

Зубков Константин Иванович
к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)
E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

Колонизация в истории России: экономика и геополитика

УДК 94(47)

В докладе на модельной ситуации конца XIX — начала XX в. дается сжатый анализ роли в обеспечении экономических и геополитических интересов России, раскрывается сложная взаимосвязь между хозяйственными, демографическими и политическими эффектами этого процесса. На фоне глобального колониационного «бума» конца XIX — начала XX в. выявляются структурные и мотивационные особенности российской модели колонизации.

Ключевые слова: *Россия, колонизация, экономика, демография, геополитика, Сибирь*

Колонизацию можно рассматривать как одно из имманентных свойств исторического процесса, восходящих к самым его истокам и характеризующим его динамическое развертывание в реальном природно-географическом пространстве. В определенном смысле, колонизация тождественна самой истории, поскольку, как остроумно подмечает Ф. Фернандес-Арместо, «вся история — это летопись колонизации, потому что все мы пришли туда, где находимся, из какого-то другого места» [8, с. 18]. Это тождество связано не только с всеобщим характером *переселений* масс людей в пространстве, но и с *комплексной* природой колониационного процесса — воспроизводством социальной жизни на вновь заселяемых территориях. В колонизации неразрывно слиты и взаимно обуславливают друг друга, во-первых, заселение людьми новых земель и сред обитания, во-вторых, завоевание территории и установление над ней политического контроля, в-третьих, возделывание и эксплуатация приобретенных земель, хозяйственное преобразование заселяемой территории, в-четвертых, утверждение на колонизируемой территории господствующей культуры и образа жизни пришельцев.

Это дает возможность рассматривать экономическое освоение территорий в ходе колонизации в тесном единстве с формированием территории государства и ростом его геополитической

мощи. Больше того, именно заселение и хозяйственное освоение территории в гораздо большей степени, чем формальное установление над ней политического суверенитета, удостоверяют ее *реальное* вхождение в состав государства. Эта связь особенно явно проявилась в расширении ареала русской колонизации XVI–XVIII вв. в южном и юго-восточном направлениях, где открытость границ набегам кочевников длительное время препятствовала прочному закреплению России на новых территориях. Лишь успехи аграрной колонизации, увеличение сети городов и плотности оседлого населения — по сути, кардинальный переворот в цивилизационном облике этих прежде пустынных пространств — создали настоящие предпосылки для их включения в состав государственной территории России [2, с. 102, 103].

При этом данный процесс зачастую вынужденно принимал периодически возобновляемый, повторяющийся характер, что было связано с исторической ограниченностью результатов каждой «волны» колонизационной активности и, как следствие, с *относительной* незавершенностью хозяйственной освоенности и политической безопасности колонизируемой территории. Так, если ранняя колонизация Сибири (конец XVI — первая половина XIX вв.) происходила в условиях, когда ее завоевание Россией, фактически, не оспаривалось никакими из сильных сопредельных держав и могло осуществляться вполне ничтожными силами [4, с. 5], то к концу XIX в. ситуация коренным образом изменилась. Поощряемая и в значительной степени организуемая русским правительством массовая аграрная колонизация Сибири и Степного края конца XIX — начала XX вв., помимо своего экономического значения, имела своей целью усиление на окраинах демографического присутствия русского элемента в видах политической безопасности [5, с. 17]. Задача создать с помощью колонизации «людской оплот» для обеспечения неоспоримого российского суверенитета была особенно актуальной на дальневосточных окраинах Российской империи, где к началу XX в. стало ощущаться возрастающее экономическое и демографическое давление со стороны Японии и Китая, вставших на путь модернизации [6, с. 122]. В 1920-х гг. идеологами советской колонизации среди ее главных мотиваций также выделялась «политическая необходимость в заселении отдаленных и оторванных от центра окраин» [7, с. 286, 287].

При этом к началу XX в. главные геополитические риски, которые должна была устранить массовая колонизация, заключались не столько в угрозе прямого военного отторжения российских окраин, сколько в высокой вероятности их мирного экономического «захвата» инонациональным элементом и, соответственно, их постепенного «дрейфа» в сферы влияния других государств. Отсюда экономический и социально-демографический потенциал колонизации зримо превращался в инструмент геополитической борьбы, особенно в условиях, когда «вторая промышленная революция», благодаря ускоренному росту магистрального транспорта, систем передачи информации и технической вооруженности человека в борьбе с силами природы, привела к резкой активизации и массовизации колонизационных потоков в разных частях света. Как следствие технического прогресса, рациональный выбор человека в пользу *переселения* как способа улучшения своего благосостояния и повышения экономической свободы был значительно облегчен. Все эти факторы, по мысли Дж. Белича, следует рассматривать как важнейшие составляющие глобального феномена «переселенческой революции» [10]. Вместе с тем, в ситуации геополитического «уплотнения мира» (конец XIX — начало XX вв.) и по мере того, как преодолевались культурно-психологические стереотипы восприятия различных частей земной поверхности, удерживавшие национально-своеобразные колонизационные потоки в рамках традиционных ареалов (изменение китайской политики в отношении колонизации Маньчжурии или русской — в отношении Средней Азии) [9, с. 60], все более частым становилось столкновение и напряженное соперничество различных национально-страновых колонизационных потоков. В этом смысле, колонизация на рубеже XIX–XX вв. воспринималась как весомый стратегический фактор, способный произвести коррективку картины *раздела мира* между ведущими державами сообразно их созидательно-экономическому потенциалу, демографическим ресурсам и деловой предприимчивости.

Этими условиями и обстоятельствами в значительной мере объясняется, почему к исходу XIX в. процессы колонизации в разных странах и частях света (США, Южная Африка, Австралия, Аргентина, Сибирь, Маньчжурия и др.) приобретают все больше сходных черт, следуя, во-первых, передовой модели американского «фронта», во-вторых, обнаруживая продуктивные

сочетания свободной экономической деятельности переселенцев с всесторонней ее поддержкой со стороны своих правительств [1]. При этом для России колонизационный «бум» конца XIX — начала XX вв. имел совершенно исключительное значение. Участие Российского государства в организации и поддержке массовых аграрных переселений в Сибирь не только позволяло ему частично разрешать острую проблему крестьянского малоземелья в центре Европейской России (и, следовательно, снимать опасное социальное напряжение), но и использовать для освоения своих зауральских территорий (как средства усиления экономического могущества страны) *наиболее простой и относительно дешевый* способ, уповая на самостоятельную жизненную силу и хозяйственную сметку крестьянина-переселенца, то есть, по существу, вкладывая в развитие востока страны не столько *капиталы* (которых в стране не было), сколько *рабочие руки*. По мнению некоторых исследователей, переселенческая политика русского правительства перед революцией находилась еще под сильным гнетом традиционных социально-патерналистских представлений о том, что основным источником «народного благосостояния» может служить, прежде всего, мелкая поземельная собственность, а первейшая задача власти заключается в наделении ею максимального числа подданных. В результате, распределение колонизационного фонда в ходе переселений в Сибирь несло в себе черты экономики «раздаточного» типа, воспроизводя мириады новых крестьянских хозяйств с *недостаточным уровнем капитализации* [3, с. 13]. Хотя это обстоятельство серьезно сдерживало прогрессивное усложнение экономики восточных регионов страны, русское правительство, располагая таким сравнительным преимуществом, как *избыточное предложение* живого труда, смогло удержать колонизацию своих восточных окраин в рамках сутобо *национального экономического предприятия*. Достигая за счет этого *достаточной* степени демографического присутствия на окраинах, Россия смогла если не освоить в полном объеме эти территории, то обеспечить на них защиту своего суверенитета и своих долговременных экономических интересов. В результате на перспективу всего XX в. Россия стала обладательницей громадных территорий отложенного «исторического спроса», чье стратегическое экономическое значение не исчерпано до конца и по сей день.

Библиографический список

1. Белич Дж. Расцветающий фронтир: бум и крах в истории поселенческих обществ XIX века // Естественные эксперименты в истории: пер. с англ. М., 2018. С. 71–117.
2. Зубков К. И. Аграрная колонизация Евразии как первая российская «модернизация» // Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII–XX веков: макро- и микропроцессы. Оренбург, 2010. С. 99–104.
3. Зубков К. И. Ранняя колонизация Сибири: смыслы и уроки истории // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. 2019. № 1 (535). С. 8–24.
4. Павлинская Л. Р. Особенности русской колонизации Сибири (XVII — начало XVIII в.) // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII — начало XX в.). СПб., 2014. С. 3–67.
5. Симонов М. И. Очередные задачи колонизации // Вопросы колонизации: периодический сборник. СПб., 1914. № 14. С. 1–17.
6. Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия...: полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 1991.
7. Усов В. С. Колонизация и ее значение для развития производительных сил Сибири // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского. Новосибирск, 1927. Т. 3. С. 279–301.
8. Фернандес-Арместо Ф. Цивилизации: пер. с англ. Д. Арсеньева, О. Колесникова. М., 2009.
9. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М., 2001.
10. Belich J. Replenishing the Earth: The Settler Revolution and the Rise of the Anglo-World, 1783–1939. Oxford; New York, 2009.

Konstantin I. Zubkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and
Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

Colonization in Russia's history: economy and geopolitics

Based on the model situation of the late 19th — early 20th centuries, the article gives concise analysis of a role the colonization played in securing both economic and geopolitical interests of Russia, and throws light on the complex interaction between its economic, demographic, and political effects. Against a background of the global colonization “boom” of the late 19th — early 20th centuries, structural and motivating peculiarities of the Russian colonization pattern are revealed.

Keywords: *Russia, colonization, economy, demography, geopolitics, Siberia*